

УДК 81'362

АРТИКЛИ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КАРТА ПРОПОЗИЦИИ

(на примере французского и русского языков)

Е.В. Гаврилова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Ф. Фризон

Институт перевода и международных отношений (ITIRI), Страсбург

В статье предлагается схема предпереводческого анализа структуры французского текста, основанная на соотносительных способах выражения актуального членения речи в интересующих нас языках. В качестве опорной единицы рассматривается артикль с учётом дистрибуции и места в предложении имени, к которому он относится.

Ключевые слова: *контрастивная лингвистика, предпереводческий анализ, эквивалентность в переводе, актуальное членение предложения, артикль, связность.*

Сегодня переводоведение стремится быть максимально прикладным и потому описывает процесс перевода сквозь призму ситуативности, как извлечение контекстуального смысла сообщения. Не подлежит сомнению, что перевод должен донести до иноязычного читателя содержание речи. Однако у этой мысли, в 60-е годы прошлого века ставшей прорывной, имеется существенное методологическое ограничение. А именно, *каким образом* целесообразно действовать, чтобы «девербализовать» текст? (Ср. [Seleskovitch 2014: 36]).

Обычно говорят, что залогом успешного перевода служит владение обоими языками: языком оригинала для полноценного понимания, языком перевода для выбора точной и адекватной формулировки. Тем не менее практика показывает, что, например, билингвы отнюдь не всегда преуспевают как переводчики. Одной из причин тому нам представляются сложности со структурированием исходного и переводного высказываний.

Особенное значение они приобретают в паре языков, из которых один аналитический, и, следовательно, предложение в нём характеризуется линейностью, а другой синтетический, и, следовательно, предложение в нём характеризуется парадигматическими связями. Как известно, именно так соотносятся друг с другом французский и русский языки. Для логической организации элементов высказывания каждый из них располагает развитыми формами, отсутствующими в другом языке: во французском это артикли, в русском – порядок слов вкупе с падежной системой. При этом и в тех, и в других находит материальное воплощение одна и та же категория, а именно категория детерминации, определённости / неопределённости [Гак 1975: 32].

Неудивительно, что они изучаются слабо и в рамках внутриязыковых исследований, и в сопоставительном плане, становясь предметом лишь так называемого «учебного» перевода, который не имеет коммуникативного значения и рассматривает предложение как изолированный объект, в котором реализуются те или иные языковые единицы и конструкции, но не пропозиция.

Под пропозицией мы будем понимать смысловую структуру высказывания (или его части, обладающей признаками самостоятельного предложения). Она включает актанты, предикат и, ограниченно, зависящие от них сирконстанты [ЛЭС 1990: 401]¹. Это промежуточное звено между синтаксисом и семантикой, в поиске которого находился ещё Н. Хомский в своей попытке порождающей грамматики [Chomsky 1965]. Большинство современных исследователей, вслед за Л. Теньером, ведущую роль в организации пропозиции отводят предикату, поскольку именно он указывает на отношения, которыми связаны термы (имена) – актанты и сирконстанты [Riegel 1999:128-129, Гак 2004: 273]. Однако нетрудно видеть, что эти отношения выражаются не только глагольными средствами. В ракурсе текста – а именно так обязан смотреть на высказывание переводчик – они не сводятся к действию или состоянию, но включают и тематическую прогрессию предложения, его логико-когнитивный аспект, который во французском языке находит выражение в артиклях, то есть в группе имени, а не глагола. Поэтому мы предлагаем в предпереводческом структурном анализе французского предложения исходить скорее из подлежащего – во-первых, действительного грамматического, во-вторых, логического (субъекта, выполняющего действие, или объекта, являющегося предметом речи), в-третьих, потенциального или предполагаемого в русском переводе. Данный подход представляется удобным и потому, что синтаксис французского языка фиксирован, и нахождение грамматического подлежащего не составляет труда.

Таким образом, мы попытаемся выявить опорные точки тематической прогрессии во французском предложении, чтобы ими можно было пользоваться при предпереводческой интерпретации, как своего рода картой. Для этого они должны соотноситься не только с новым и известным в сообщении, но и с идентифицируемыми грамматическими единицами – членами предложения и частями речи. В то время как артикли употребляются исключительно с именными или субстантивированными словами, порядок слов в русском языке распространяется на все части речи,

¹ Напомним, что термин «сирконстант» (фр. *circonstant*) был предложен Люсьеном Теньером [Tesnière 1988] для обозначения слова, зависящего от предиката и заполняющего его активную синтаксическую валентность, но не соответствующее никакой его семантической валентности. В семантическом отношении сирконстанты отражают обстоятельства действия, состояния или отношения, о котором говорится в высказывании.

что даёт возможность достаточно гибких перестановок и конверсий в переводе [Comtet 2002: 400-405]. Кроме того, и французские артикли, и русский порядок слов могут быть обусловлены как внутренним устройством текста, так и соотношением детерминированных / недетерминированных элементов в конкретной ситуации общения, а значит, и перевода, как можно видеть из примера (1) ниже:

(1) *Un autre événement survenu au même moment donne toutefois une résonance particulière au tour de magie fiscal d'Engie : au moment même où International Power mettait la touche finale à cette exfiltration en urgence d'un milliard de dollars de profit, le gouvernement australien annonçait qu'il allait verser à l'entreprise 500 millions de dollars sur cinq ans pour lui permettre d'adapter ses centrales aux nouvelles exigences environnementales et faire face à la nouvelle taxe carbone.*

Впрочем, тут же произошло другое событие, ставшее отличным поводом заговорить о налоговых ухищрениях "Энжи". Правительство Австралии объявило о намерении выделить компании International Power 500 млн. долларов в течение пяти лет на модернизацию её электростанций с учётом новых экологических требований и только что принятого налога на выбросы углекислого газа – в тот самый момент, когда её руководство спешно завершало вывод миллиарда долларов прибыли (Здесь и далее ориентировочные переводы наши - Е.Г., Ф.Ф.)

В приведённом предложении присутствуют три типичных употребления артикля, требующих внимания при переводе на русский язык. Простейший из них – неопределённый артикль при исчисляемом существительном (*un événement*), впервые употребляемом в тексте. При вещественных и абстрактных существительных ему соответствует частичный артикль, но встречается он в данной позиции реже.

Он чётко указывает на рему высказывания. В русском языке рема обычно располагается в конце предложения, поэтому элемент фразы, содержащий либо непосредственно упомянутое существительное, либо заключённую в нём семантическую нагрузку, должен завершать смысловой отрезок, к которому он относится [Гак 2009: 32-33] (Ср. [Comtet 2002: 404]).

Заметим, что здесь имеет смысл дополнительно развернуть причастный оборот в полноценный предикат: *survenu* → (*событие*) произошло.

Иной случай – определённый артикль при существительном, определяемом внутренней логикой текста и фактически являющемся синонимом или перифразой (*l'entreprise = International Power*). Решение переводчика может быть как чисто лексическим – унификацией обозначений, так и структурным – перенос данного слова с определённым артиклем ближе к его референту. Мы предлагаем совместить их. Важно понимать, что во французском тексте подобный определённый артикль двусмыслен, так что точная референция *l'entreprise* возможна только благодаря пониманию описываемого механизма уклонения от уплаты налогов, тогда как в русском переводе необходимо, чтобы заменитель находился в непосредственной близости от заменяемого

слова. В целом можно констатировать, что текст на русском языке строится по принципу домино: совпадающие или логически связанные элементы должны соприкоснуться; французский же язык, в силу отсутствия падежей и благодаря артиклям, конструирует предложение по одной синтаксической схеме, в элементарном виде нашедшей отражение в известном риторическом шаблоне «*sujet – verbe – complément*» [Roudet 2016: 302].

Определённый артикль может и не иметь структурного аспекта, а обуславливаться ситуацией, как мы видим на примере *la nouvelle taxe carbone*. Переводчик обязан выразить значение несуществующего в его языке артикля другими, вероятнее всего, лексическими средствами, а потому ему приходится справиться о том, являлся ли в Австралии налог на выбросы углекислого газа нововведением на момент описываемых в тексте событий или же речь идёт об изменении существовавшего законодательства. Решение этого вопроса не скажется на синтаксисе предложения, но последний в любом случае будет осложнён пояснением, выраженным, например, развёрнутым определением (*только что принятого налога*).

Уже на данном примере ясно, что артикли могут использоваться переводчиком лишь как опорные точки тематической прогрессии (в зависимости от того, является ли определённость / неопределённость эксплицитной, контекстуальной или ситуативной), но никак не механически. Возможно ли, тем не менее, действовать при этом последовательно, а не наугад, и как исследование артиклей будет соотноситься с учётом других составляющих предложения, определяющих его структуру, таких как тип связи в сложном предложении, употребление местоимений, время глагола или глаголов?

Прежде всего надлежит выяснить, каково значение артикля в данном конкретном случае. Причём следует отличать системные употребления артикля, которые всецело подчинены грамматическому правилу и входят в арсенал языка, от стилистических, где у говорящего или пишущего есть выбор между несколькими вариантами, в зависимости от нюанса смысла. Обратимся к примерам (2), (3) и (4) – помня, что предлагаемые синтаксические эквиваленты лишь рекомендуются в общем случае, но не могут быть использованы вслепую, как и любые другие эквиваленты при переводе.

(2) *Un proche de l'exécutif ne se fait aucune illusion sur ce qui attend Christophe Castaner (Le Figaro, 18.11.2017)*

Подлежащим выступает одушевлённое существительное, соответствующее и логической субъектности данного предложения, поэтому в переводе оно предположительно сохранит эту функцию. Вместе с тем встанёт вопрос, не будет ли оправданным переместить его в конец целостного (предикативного) блока, скажем: **мы встретились с представителем власти, который...*, либо, что более узуально, всё же трансформировать подлежащее в обстоятельство: **в источниках / из источников, близких к правительственным кругам...* Второй вариант кажется предпочтительным

ещё и потому, что позволяет использовать в переводе газетно-политическую идиоматику.

Переход подлежащего в обстоятельство является, наряду с инверсией подлежащего, одним из частотных переводческих решений.

(3) *Avant les ordonnances, un plancher obligatoire existait, mais il ne concernait que les salariés ayant plus de deux ans d'expérience dans une société de plus de dix salariés* (Challenges.fr, 08.11.2017).

В примере (3) неопределённый артикль при подлежащем, при ближайшем рассмотрении, не указывает на новый факт – это ясно уже из того, что *plancher* фигурирует в цитате речи министра труда, непосредственно предшествующей данному предложению. Казалось бы, требуется определённый артикль. Суть сообщения, однако, состоит как раз в том, что упомянутый предел был изменён, на что и указывает *un*, а также имперфект глагола. Перфект (*passé composé*) говорил бы о том, что предела теперь не существует вовсе.

Эту информацию можно передать лексическими средствами, с инверсией подлежащего либо без таковой: **уже существовал обязательный предел* или **обязательный предел уже существовал*. От того, какую структуру изберёт переводчик, будет зависеть синтаксис остальной части сообщения: в первом случае можно использовать придаточное относительное (**...который, однако...*), во втором случае связь между двумя частями будет сочинительной, а придаточное, вероятно, окажется заменено дополнением в интересах читаемости (**...но / однако только в отношении работников...*). Возможен и вариант с разбиением на два самостоятельных предложения, также без инверсии. Обстоятельство времени в этом последнем случае может остаться в начальной позиции, но может быть и перемещено в конец первого предложения.

Рассмотрев подлежащее, остановимся на тех зависимых членах предложения, которые снабжены определённым артиклем, но не определены непосредственным, внутрифразовым окружением. В нашем случае это упомянутое обстоятельство *avant les ordonnances*. Детерминировано оно контекстом всей статьи, впервые – во введении. Если обстоятельство остаётся в начальной, строго тематической позиции, то особых средств для передачи такого значения определённого артикля не требуется, хотя оно и может быть подчёркнуто с помощью указательного местоимения (**до ордонансов* либо **до этих ордонансов*). Если обстоятельство переносится в конец предложения, то дополнительный логический акцент уместнее сделать на предикате (**...существовал и до (этих) ордонансов*), потому что иначе в рематической постпозиции оказывается вспомогательная, а не главная информация.

Наконец, целесообразно уделить внимание неопределённым артиклям при зависимых членах предложения, а также в именной части составного сказуемого (фр. attribut). *Une société de plus de dix salariés* передаёт коли-

чественное значение, которое можно приравнять к определительным. Это одно из системных употреблений французского неопределённого артикля, которое в русском языке не имеет специального эквивалента и не требует выражения – **предприятие, на котором заняты более десяти человек*. Однако неопределённый артикль сопровождает не только определения, к примеру:

(4) *On veut lui faire dire bien des choses, alors que la laïcité est un principe simple, cardinal, essentiel de notre pacte républicain (Le Monde, 21.11.2017).*

Подлежащее в примере (4) выражено абстрактным существительным с определённым артиклем. Высказывание, следовательно, имеет обобщённое значение. Передаёт его, будучи логически связанной с подлежащим отношением тождества, и именная часть сказуемого *un principe*. Неопределённый артикль в обобщающей функции отличается от определённого тем, что указывает на некую категорию – единичный объект либо ограниченную группу объектов. В русской же речи, если единичность, обособленность не оговорена отдельно, подразумевается общность: ***простой, фундаментальный, важнейший принцип* означало бы, что существует единственный таковой принцип, тем более если переводчик, как мы, решил бы употребить элитив (*важнейший*). Поэтому значение неопределённого артикля в данном случае необходимо выражать дополнительными средствами – лексико-грамматическими (**один из... принципов*) либо посредством полной переработки синтаксиса предложения, в результате чего *принцип* также примет множественное число (**а ведь наш республиканский пакт стоит именно на таких простых, фундаментальных, важнейших принципах, как светскость*).

Обобщая анализ примеров (2)-(4), последовательность действий переводчика можно схематически представить следующим образом:

1. Исследовать подлежащее с целью выявления актуального членения предложения в целом, на основе чего наметить предварительный порядок слов в переводе (прямой или инвертированный);
2. Исследовать зависимые актанты и сирконстанты с определённым артиклем, определяя в каждом случае источник детерминации - внутрифразовый, внутритекстовый, ситуационный - и в зависимости от этого проработать варианты перевода с изменённым порядком слов, указательными местоимениями и другими шифтерами, эксплицированием значения артикля лексическими средствами;
3. Исследовать зависимые актанты и сирконстанты с неопределённым артиклем, определяя в каждом случае передаваемую им конкретную коннотацию. Если это значение носит определительный характер, неопределённый артикль не требует особых средств для его передачи. Если же неопределённый артикль имеет значение категоризации, в переводе оно будет выражено либо неопределённым место-

имением, либо лексически, либо, реже, инверсией, но механизм последней не представляется возможным формализовать – она будет обусловлена спецификой конкретного высказывания и текста.

Очевидно, что наша эмпирическая схема ещё нуждается в уточнении. Очевидно и то, что ограниченный объём статьи не позволяет продемонстрировать её применение на широком материале. Тем не менее, думается, уже в настоящем виде она отражает основные тактики переводчика с французского языка на русский в отношении артиклей, выявляя значимость последних для адекватной структурной организации текста перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – М.: Русский язык, 1975. – 278 с.
 2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
 3. Гак В.Г. Теория и практика перевода / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. 9-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 464 с.
 4. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge: MIT Press, 1965. – 261p.
 5. Comtet R. Grammaire du russe contemporain / R. Comtet. – Toulouse: Presses universitaires du Mirail, 2002. – 505 p.
 6. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Rioul. – P.: PUF, 1999. – 1107 p.
 7. Roudet R. Grammaire russe. 2. Syntaxe / Roudet R. – P.: Institut d'études slaves, 2016. – 398 p.
 8. Seleskovitch D. Interpréter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer. – P.: Les Belles Lettres, 2014. – 432 p.
- ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. Институт Языкознания АН СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

ARTICLES AS LANDMARKS FOR A PROPOSITIONAL MAP *(based on the example of French-Russian translation)*

E.V. Gavrilova

N.A. Dobrolubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod

Philippe Frison

University of Strasbourg

The article designs a procedure for analysing a text to be translated from French to Russian as a structure. We suggest that it be based on comparative studies of topic-and-comment expression in both languages, namely of articles as they or the nouns they go with appear in the sentence.

Key words: *contrastive linguistics, text analysis in translation, translation equivalence, topic and comment, article, coherence.*

Об авторах:

ГАВРИЛОВА Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им.Н.А.Добролюбова, *e-mail*: e.vl.gavrilova@yandex.ru

ФРИЗОН Филипп – преподаватель Института перевода и международных отношений, Университет Страсбурга, *e-mail*: philippe.frison@coe.int

УДК 811.133.1'255.2

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК: ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

М.В. Дубинская

Тверской государственный университет, Тверь

В статье представлен обзор некоторых переводов названий произведений Ф.М. Достоевского на французский язык. Рассматриваются типичные трудности перевода в условиях Франции конца XIX века и методы их преодоления переводчиками при условии сохранения в переводе названий особенностей поэтики Достоевского.

Ключевые слова: переводческие трансформации, прагматический аспект перевода, языковое видение мира, евангельские аллюзии в переводе, нравственный аспект, особенности поэтики Достоевского.

История переводов произведений Ф.М.Достоевского во Франции имеет долгую и сложную историю, а сами переводы отличаются некоторыми особенностями, причина которых заключена в сложности восприятия творчества Достоевского французскими читателями. Андре Жид – известный писатель, литературовед, критик и популяризатор творчества Достоевского во Франции, говоря о невысокой популярности творчества Достоевского во Франции начала XX века, считал одной из причин этого явления критические высказывания Мельхиора де Вогюэ, знатока русской литературы, о многочисленных формальных недостатках стиля и структуры романов русского писателя. Как опасался Жид: «Эти негативные суждения действительно могли замедлить перевод, публикацию и распространение Достоевского, заранее разочаровать многих читателей» [Gide 1981: 17]. Однако при этом Вогюэ практически не упоминал о нравственном аспекте произведений Достоевского, а именно эта сторона его творчества могла бы, по мнению Жида, заинтересовать французских читателей.

Жид также говорит о сложности восприятия творчества Достоевского французской читающей публикой, утверждая, что для успешного восприятия